

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА УРАЛА НАКАНУНЕ И В НАЧАЛЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Период конца 1930-х – начала 1940-х гг., ознаменовавшийся, занимает особое место в отечественной истории. Идеино-политические и экономические трансформации, проводимые властью в это время, самым непосредственным образом отразились на состоянии исторической науки. Руководством страны история стала рассматриваться как инструмент, выполняющий важные идеологические функции. С этой целью государство осуществило комплексные преобразования в области организации исторических исследований, насаждения «партийной» методологии, введения цензуры, нейтрализации инакомыслящих ученых.

Изучение проблемы состояния исторической науки Урала на рубеже 1930–1940-х гг. началось после XX съезда КПСС, заметно активизировалось в 1980–1990-е гг., и имеет определенные успехи, однако пока эта тема освещена недостаточно полно. Региональные исследователи: А.В. Бакунин, О.А. Васьковский, М.Е. Главацкий, Е.Б. Заболотный, В.Д. Камынин, А.В. Черноухов и др. отмечают, что состояние исторической науки на Урале накануне Великой Отечественной войны определялось целым рядом факторов, которые вызвали своеобразный «перелом» в развитии гуманитарного знания. Важнейшими здесь являлись: изменение политической ситуации в стране, реорганизация деятельности общественно-научных и учебно-научных центров, становление системы советского исторического образования, трансформация исследовательской проблематики, а также – внедрение марксистской методологии исследования. Совокупность данных трансформаций оказала самое непосредственное влияние на содержание и уровень развития науки.

Закономерным представляется то особое внимание, которое советская власть уделила формированию новой системы научных центров в области общественных наук. На рубеже 1930–1940-х гг. началась очередная реорганизация исторических учреждений страны. Планомерно сокращалась самостоятельность деятельности краеведческих обществ. Еще в 1935 г. Уральское бюро краеведения было преобразовано в оргбюро по изучению областей, а в 1938 г. его передали в подчинение органов народного образования. Фактически это означало уничтожение краеведческих организаций. По данным исследователей, многие краеведы подверглись репрессиям¹.

Вместе с тем, на протяжении 1930-х гг. главными историко-научными центрами на Урале продолжали оставаться созданные в начале 1920-х гг. истпарты. Штаты их научных сотрудников во второй половине 1930-х гг. пополнились квалифицированными специалистами с высшим образованием. К ним можно отнести Р.М. Рубинштейн, Г.П. Рычкову, А.П. Шавина и др.²

Уралистанпартом и комитетом содействия изданию истории гражданской войны велась работа над трехтомной историей гражданской войны на Урале, публиковались воспоминания и другие материалы. Однако, в 1939 г. происходила ликвидация специализированных научно-исследовательских объединений: истпартов, истпроффов, истомолов и некоторых учебных заведений (Урало-Сибирского Коммунистического Университета). Собранный ими документальный материал и библиотеки были переданы в партархивы соответствующих обкомов. На этой базе в 1945 г. при Свердловском обкоме ВКП(б) был открыт Институт истории партии на правах филиала Института Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина при ЦК ВКП(б).

Необходимо отметить, что перед войной, на Урале по-прежнему, остро ощущалась нехватка кадров профессиональных историков, владевших методикой исследования, что сдерживало развитие науки. В этих условиях закономерным стало распространение исторического образования в высших учебных заведениях Урала. В 1930 г. были созданы исторические факультеты в Свердловском и Пермском пединститутах, в 1931 г. – в Ижевском, в 1932 г. – Оренбургском, в 1934 г. – в Челябинском и в 1939 г. – в Нижне-Тагильском. Причем, в Пермском педагогическом институте с 1931 г. под руководством профессора А.А. Савича начала работать первая на Урале аспирантура по истории³. В 1931 г. было открыто и первое научное учреждение в Удмуртии – научно-исследовательский институт истории, экономики, языка и литературы.

Кроме того, накануне войны подготовку профессиональных историков начали университеты. В 1938 г. был создан исторический факультет в Уральском государственном университете им. А.М. Горького. В мае 1938 г. Наркомпрос РСФСР принял решение об открытии истфака, в июне официально был объявлен набор студентов.

Первоначально факультет испытывал острый дефицит в квалифицированных специалистах, однако ситуация постепенно улучшалась, так в 1941 г. на кафедру марксизма-ленинизма пришел Ф.П. Быстрых, который с 1943 г. стал заведующим этой кафедрой. В 1944 г. на исторический факультет УрГУ вернулся, демобилизовавшись с фронта В.В. Адамов. В 1941 г. был открыт второй на Урале университетский исторический факультет в Перми.

Говоря о системе образования, представляется важным упомянуть и о формировании советской системы ученых степеней и званий. Впервые они появились в 1934 г., но порядок присуждения оказался не совершенным, поэтому 20 марта 1937 г. было опубликовано Постановление СНК СССР. Согласно которого «В целях поощрения научной работы и повышения квалификации научных и научно-педагогических кадров СНК СССР постановляется: «в зависимости от квалификации в области определенной научной дисциплины – по объему знаний, степени самостоятельности научной работы и ее значению – научным работникам присваиваются ученые степени: кандидата наук, доктора наук. В зависимости от выполняемой научно-педагогической или научно-исследовательской работы научным работникам присваиваются ученые звания: ассистента, доцента,

профессора»⁴. С предвоенного периода основные кадры историков были сосредоточены в высших учебных заведениях и вновь создаваемых научно-исследовательских центрах.

Анализируя проблему состояния исторической науки Урала накануне Великой Отечественной войны, необходимо рассмотреть и состояние архивных учреждений. В.Д. Камынин, В.Д. Грунь, В.Л. Берсенева пишут, что к началу 1930-х гг. на Урале была создана разветвленная сеть государственных, партийных и ведомственных архивов⁵. В частности было проведено дробление фондов Уральского областного архива в 1934 г. в связи с делением Уральской области на Свердловскую, Челябинскую и Обь-Иртышскую, а в 1938 г. – Пермскую. Тогда не относящиеся к Свердловской области документы, частично были переданы в новые административные единицы. В 1941 г. были созданы филиалы Госархива Свердловской области: Ирбитский, Нижне-Тагильский и Серовский⁶.

Современные авторы обращают внимание на факт переподчинения в 1938 г. архивных органов и учреждений в ведение НКВД СССР, что негативно сказалось на исследовательской работе, ибо доступ к документам был ограничен, а порой вообще закрыт. По мнению исследователей, в это время произошла своеобразная «милитаризация» архивов, проявившаяся в установлении жесткой системы их подчинения партийно-государственной диктатуре⁷. А.Г. Сапожников указывает, что в государственное вмешательство в архивное дело привело к тому, что работа архивистов была сориентирована на отбор и публикацию документов по таким приоритетным темам, как классовая борьба, диктатура пролетариата и т.п. К тому же периодические «чистки» архивных фондов, направленные на «защиту» классовых интересов, привели к утрате ценнейших исторических документов⁸. Данная ситуация представляется вполне логичным шагом власти, поскольку с подачи И.В. Сталина внедрялась практика ссылок на произведения «классиков марксизма-ленинизма». В результате произошло их превращение одновременно в эталон научно-исследовательской деятельности⁹, основной исторический источник и главный методологический подход в изучении истории.

Вполне закономерным следствием происходивших перемен стало и изменение исследовательской проблематики в предвоенные годы и в начале Великой Отечественной войны. Здесь достаточно четко прослеживается несколько направлений, главным образом – политически обусловленных, среди которых четко прослеживаются следующие основные тематические группы. Во-первых, история революционного движения и большевистских организаций на Урале; во-вторых, история формирования и борьбы рабочего класса края; в-третьих, история гражданской войны; в-четвертых, отдельные аспекты социально-экономической истории Урала дореволюционной эпохи, главным образом – горнозаводской промышленности; в-пятых, патриотическая проблематика.

Особенность довоенного периода заключалась и в том, что зачастую, из-за нехватки кадров, изучением революции, гражданской войны и последующего времени занимались не историки, а пропагандисты, партийные и практические работники. Многие из них не могли правильно организовать научный поиск, провести анализ материала и сделать выводы. Вследствие этого, работы носят во многих случаях фактографический характер. Это явление, присущее главным образом периферии, имело и положительную сторону¹⁰. Литература, написанная современниками и активными участниками событий на основе личных впечатлений, текущих материалов, частично статистики, отличалась точностью воспроизведения фактов и потому до сих пор не утратила своего источникового значения, хотя ее теоретический уровень невысок.

В начальный период войны, вполне закономерно произошло существенное сокращение количества публикаций, и актуализировалась патриотическая проблематика. Однако, по мере того, как на Урал эвакуировались научные учреждения и вузы, их сотрудники активно работали в местных архивах. Постепенно был набран материал, на основе которого создавались обобщающие труды по истории Урала, его истории индустрии и крестьянства¹¹. Тем не менее, в эпоху активного идеологического прессинга многие исследования по истории региона оказались политизированными¹².

В современной историографической литературе подчеркивается, что 1930-е гг. проходили под знаком пересмотра господствовавших в отечественной науке концепций и распространения новых подходов на основе марксистско-ленинских взглядов. Анализируя вектор развития исторического знания в этот период, ученые сходятся во мнении, что определяющим моментом здесь стал переход от плюрализма к методологическому монополизму¹³. Для историков это означало создание работ в рамках формационного подхода с изучением господствующего способа производства, а также классовой борьбы, которая трактовалась как основной двигатель исторического процесса. Таким образом, государственная власть сделала все для выкорчевывания инакомыслия из общественных наук. А.Е. Бовин писал, что в это время сталинский режим вызвал «паралич общественных наук, атрофию исторического самосознания, апологизацию действительности, создание идеологических мифов...»¹⁴.

Авторы многих публикаций отмечают, что в конце 1930-х гг. российской исторической науке был нанесен удар, в виде гонений на представителей «старой школы» историков, а также – всех заподозренных в инакомыслии. По мнению П.В. Волобуева: «Для того чтобы обществоведы знали свое место, на них был обрушен град репрессий. Первыми пострадали тогда историки, в том числе академики и члены-корреспонденты АН СССР: С.Ф. Платонов, Е.В. Тарле, Н.П. Лихачев, В.Г. Дружинин и др.»¹⁵

Д.В. Гаврилов, Р.И. Голубцова, В.Д. Камынин и другие авторы приводят данные о том, что перед войной на Урале репрессии коснулись многих видных

историков. В 1937 г. был арестован А.П. Танеев, который находился в заключении до 1956 г. В 1930-х гг. он активно занимался научными исследованиями, принимал участие в работе Уральского областного комитета содействия изданию истории гражданской войны, а также в редактировании материалов истории классовой борьбы в редакции «Уральской советской энциклопедии», первый том которой вышел в 1933 г. В 1932 – 1933 гг. он возглавлял Уралистпарт¹⁶. Тогда же в ряде вузов Свердловска руководил кафедрами истории ВКП(б) выпускник московской Академии коммунистического воспитания Ф.П. Быстрых. В 1937 г. за опубликованную монографию ему была присуждена ученая степень кандидата исторических наук. Д.В. Бутров и Н.Н. Попов отмечают: «Массовые «чистки» конца 1930-х гг. не обошли и Ф.П. Быстрых. В сентябре 1937 г. он был исключен из ВКП(б) за «притупление политической бдительности» и уволен с преподавательской работы»¹⁷. Кроме того, был репрессирован директор Удмуртского НИИ Ф.П. Макаров, исключенный в 1937 г. из партии, осужденный на 5 лет по статье 58-10,11 за участие в «контрреволюционной группе», состоявшей из партийных и государственных деятелей Удмуртии, выпускников Коммунистического университета трудящихся Востока¹⁸. Та же участь постигла и других научных сотрудников этого института – В.А. Максимова – выпускника Коммунистической Академии общественных наук в Москве, обвиненного в отсутствии классового подхода в исследованиях, П.В. Кильдибекова и др. Труды В.А. Максимова и Ф.П. Макарова были изъяты из обращения как «контрреволюционные». Такие ярлыки в конце 1930-х гг. навешивались практически на все истпартовские издания, которые были изъяты.

Благодаря счастливому стечению обстоятельств уцелел видный историк С.М. Петров. Он преподавал в Урало-Сибирском Коммунистическом университете, занимался научно-исследовательской работой. С 1932 по 1934 гг. учился в Москве в Институте красной профессуры, после чего до 1940 г. преподавал историю партии и Челябинском пединституте, а потом уехал на работу в Москву. Д.В. Гаврилов пишет: «Только отъезд С.М. Петрова избавил его от репрессий, которым в 1937–1938 гг. подверглись уральские историки, обвиненные в принадлежности к «троцкистской организации» и «распространению троцкистских взглядов»¹⁹.

Подводя итог исследования состояния и особенностей исторической науки в период конца 1930-х – начала 1940-х гг., подчеркнем, что её развитие определялось активным вмешательством государства в реорганизации структуры исследовательских центров, проведением репрессий научной интеллигенции, политически заказанной тематикой, внедрением марксистской методологии и т. д. Данные меры привели к глубоким кадровым изменениям, недооценке роли архивных учреждений, деформации публикаторской работы путем введения многоуровневой цензуры.

В результате, накануне Великой Отечественной войны и на ее начальном этапе, советская историческая наука использовалась государством в качестве одного из важнейших орудий идеологического воздействия на общественное

сознание, что привело к установлению политического диктата и мифологизации прошлого. Таким образом, влияние власти на структуру и содержание исторического знания в данный период стало комплексным и коррелировало с процессом утверждения в стране тоталитаризма.

Примечания:

¹ См.: Зорина Л.И. Клер Модест Онисимович // Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург. 1998. С. 261; Тагильцева Н.Н. Repрессии против членов краеведческих обществ на Урале в конце 1920-х – 1930-е гг. // История репрессий на Урале в годы Советской власти. Екатеринбург. 1994. С. 95.

² Васьяковский О.А. Историография и социально-политические проблемы истории гражданской войны. Свердловск. 1968. С. 39.

³ Камынин В.Д. Историческое образование // Уральская историческая энциклопедия. С. 241.

⁴ Черноухов А.В. Исторический факультет Свердловского университета: 1938–1945. Екатеринбург. 2008. С. 16.

⁵ Камынин В.Д., Грунь В.Д., Берсенов В.Л. История рабочих Урала в 20-30-е годы XX века в отечественной историографии. М.-Екатеринбург. 2008. С. 91.

⁶ Государственные архивы Свердловской области. Свердловск, 1990. С.5.

⁷ См.: Камынин В.Д. и др. Указ. соч. С. 91; Хорхордина Т.И. История Отечества и архивы 1917–1980-е гг. М., 1994. С. 148.

⁸ Сапожников А.Г. Архивы на Урале // Уральская историческая энциклопедия. – Екатеринбург. 1998. С. 58.

⁹ Камынин В.Д. и др. Указ. соч. С. 84.

¹⁰ Советская историография Октябрьской революции и социалистического строительства на Урале (1917–1987). Свердловск. 1987. С. 84.

¹¹ Историография истории Урала // Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург, 2000. 2-е изд. С. 238.

¹² Там же. С. 237.

¹³ См.: Камынин В.Д. и др. Указ. соч. С. 67; Черноухов А.В. Указ. соч. 2008.

¹⁴ Бовин А.Е. Перестройка: правда о социализме и судьба социализма // Свободная мысль. 1996. № 4. С. 524.

¹⁵ Волобуев П.В. Сталинизм и социальное познание советского общества // История и сталинизм. М., 1991. С. 31.

¹⁶ Голубцова Р.И. А.П. Танеев об участии трудящихся Урала в Октябрьской революции и Гражданской войне // Летописцы родного края. – Свердловск. 1990; Камынин В.Д. и др. Указ. соч. С. 70.

¹⁷ Бутров Д.В., Попов Н.Н. Ф.П. Быстрых на крутых поворотах истории // Урал в XX в.: экономика и политика. – С. 4.

¹⁸ Заболотный Е.Б. Макаров Фаддей Петрович // Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург, 2000. 2-е изд. С. 319.

¹⁹ Гаврилов Д.В. С.М. Петров. У истоков марксистской исторической науки на Урале // Летописцы родного края. Свердловск. 1990. С. 119.